

заверяет, что «всех... побед» «приятнее», «больше радость» «больше слава», сознание,

«Что Петр в наследии живет,
Что Дщерь на троне зрит Россия»,

и восклицает: «На что державы Ей чужие!» «Ей» — несомненно императрице, «дщери» императора Петра I. Все это, конечно, не только гиперболическое выражение верноподданнейших чувств и столь же гиперболическая лесть, но и очень определенное политическое выступление во славу «дома Петрова» и русского бескорыстия в войне. Определенно политические выступления заметны и в других аналогичных случаях. Например, ожидание мира отражено в строфах 22—24 оды Ломоносова 1759 г.

«Коль тщетно пышное упорство
Надеясь на свое проворство
Сбирает беглые полки;
В пределы кроткого зефира
Златого не приемлет мира:
Еще кровавой ждет реки.

С верхов цветущего Парнасса,
Смотря на рвение сердец,
Мы ждем желаемого гласа:
„Еще победа, и конец,
Конец губительных брани.
О Боже, Мира Бог, восстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой Дщери
Военны запечатай двери,
Питай нас тишиной Твоей“.

«Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоить свой тлен.
Еще ль мы мало утомились
Житейских тягостью бремен.
Возри на плачь осиротевших,
Возри на слезы престаревших,
Возри на кровь рабов Твоих.
К Тебе любовь и радость света
В сей день зовет Елисавета:
Низвергни брань с концов земных».